

Говард Филлипс Лавкрафт

Воспоминания о докторе Сэмюеле Джонсоне

(A Reminiscence of Dr. Samuel Johnson)

Привилегия воспоминаний, какими бы сбивчивыми или скучными они ни были, обычно принадлежит довольно пожилым персонам. Как правило, неизвестные подробности истории, а также малые анекдоты о великих, передаются потомству посредством подобных мемуаров.

Хотя многие читатели порой будут отмечать признаки старины в моем стиле письма, мне должно было бы польстить предстать перед представителями нынешнего поколения молодым человеком, распространяя вымысел, что я появился на свет якобы в 1890 году в Америке. Тем не менее, я намерен избавиться от бремени секрета, который до настоящего времени хранил вследствие опасений того, что мне не поверят. Я намерен сообщить общественности правду о моем подлинном возрасте, для того чтобы удовлетворить потребность в подлинной информации о временах, когда жили те знаменитые личности, с кем я был на дружеской ноге. Так пусть станет известно, что я родился в родовом поместье в Девоншире, 10 дня августа 1690 года (или по новому, григорианскому, календарю – 20 августа); следовательно, сейчас мне 228 лет. Приехав в Лондон в юности, я встречал еще детьми многих из выдающихся мужей времен царствования короля Вильгельма, включая горячо оплакиваемого г-на Драйдена (2), который подолгу сживал за столами кафе «У Уилла». С г-ном Аддисоном (3) и д-ром Свифтом (4) я позднее свел довольно близкое знакомство, и стал еще более близким другом г-на Попа (5), которого я знал и уважал до самого дня его смерти. Но так как сейчас я хочу написать о друге, которого я приобрел несколько позже – о покойном докторе Джонсоне (6), я оставляю в стороне пору моей молодости.

Впервые о докторе я услышал в мае 1738 года. До этого времени я никогда не встречался с ним. Мистер Поп только что завершил «Эпилог» к своим «Сатирам» (отрывок начинался словами «Не дважды в год ты появляешься в печати...») и готовился к его публикации. В тот самый день, когда его стихи должны были появиться в печати, в свет вышла сатира в подражание Ювеналу (7), озаглавленная «Лондон», под именем тогда еще неизвестного Джонсона. Сатира настолько потрясла город, что многие джентльмены, обладавшие вкусом, заявили, что она является работой еще более великого поэта, чем г-н Поп. Даже если не брать в расчет того, что некоторые клеветники говорили о мелочной зависти г-на Попа, тот не выказал по отношению к стихам нового соперника ни малейшего признака одобрения. Г-н Ричардсон, поэт, сказал мне, «что г-н Джонсон скоро будет повержен ниц».

Я не имел личного знакомства с доктором до 1763 года, когда был представлен ему в таверне «Митра» г-ном Джеймсом Босуэллом (8), молодым шотландцем из прекрасной семьи, получившим великолепное образование, но обладавшим невеликим количеством рассудка. Иногда я редактировал его метрические излияния.

Доктор Джонсон, каким я увидел его, оказался полным, страдающим одышкой человеком, очень плохо одетым и производящим неопрятное впечатление. Я припоминаю, что он носил пушистый завитой парик, не перевязанный сзади лентой, без пудры и слишком маленький для его головы. Его платье было рыже-коричневого цвета, очень мягкое, на нем не хватало более чем одной пуговицы. Его лицо, слишком полное, чтобы быть красивым, также производило эффект некоего болезненного беспорядка; и его голова постоянно несколько конвульсивно подергивалась. Об этом физическом недостатке я, конечно, знал заранее; слышал об этом от г-на Попа, который потрудился провести некоторое расследование.

Будучи семидесятитрехлетним, на девятнадцать лет старше д-ра Джонсона (я пишу доктора, хотя он получил это звание лишь два года спустя), я ожидал от него некоторого уважения к моему возрасту; и поэтому не так боялся его, как утверждают другие. Когда я спросил его, что он думает о моем благоприятном критическом отзыве о его Словаре (9) в «Лондонце» (моей периодической газете), он сказал: «Сэр, я не припоминаю, чтобы читал вашу газету, и я не особо интересуюсь мнением слабомыслящей части человечества». Будучи более чем уязвлен неучтивостью того, чья известность заставляла меня добиваться его одобрения, я отважился отплатить подобным же образом, и сказал ему, что удивлен тем, что мыслящий человек решает судить о разумности того, чьих работ, как он сам только что признал, никогда не читал. «Отчего же, сэр», - ответил Джонсон, - «Мне не требуется знакомиться с трудами человека, чтобы оценить поверхностность его знаний, когда он так явно высмеивает их своим желанием упомянуть собственные труды в первом же вопросе, обращенном ко мне». Таким образом, став друзьями, мы обсудили множество тем. Когда, соглашаясь с ним, я сказал, что сомневался в подлинности поэм Оссиана (10), г-н Джонсон сказал: «Это, сэр, не зависит от вашего личного знания и доверия. То, с чем согласен весь город, не может стать открытием для критика с Граб-стрит (11). С тем же успехом вы можете заявить, будто имеете сильное подозрение, что «Потерянный рай» написал не Мильтон (12)!»

Впоследствии я очень часто встречался с Джонсоном, особенно на встречах «Литературного клуба», который был основан доктором в следующем году вместе с г-ном Бёрком, парламентским оратором (13), г-ном Боклерком, джентльменом со вкусом, г-ном Лэнгтоном, благочестивым человеком и капитаном милиции, сэром Джошуа Рейнольдсом, широко известным художником (14), д-ром Голдсмитом, автором прозы и стихов (15), д-ром Наджентом, тестем г-на Бёрка, сэром Джоном Хокинсом, г-ном Энтони Шармье, и мной. Мы собирались обычно в семь вечера, раз в неделю, в «Голове турка», на Геррард-стрит, Сохо, пока эта таверна не была продана и превращена в частное жилое здание. После этого мы вполне удачно перемещали наши собрания в «У Принца» на Сэвилль-стрит, в «У Ле Теллье» на Довер-стрит, и в «У Парслоу» и «Дом с соломенной крышей» на Сент-Джеймс-стрит. На этих встречах

мы старательно оберегали теплоту дружеских отношений и спокойствие, которые выгодно контрастируют с некоторыми разногласиями и разладами, которые я сейчас наблюдаю в литературе, а также в нынешней «Ассоциации любительской прессы». Эта безмятежность была особенно заметна, так как среди нас имелись джентльмены весьма различных мнений. Д-р Джонсон и я, так же, как и многие другие, были ториями высшей пробы; тогда как г-н Бёрк был вигом, и перед Американской войной были широко опубликованы многие из его речей по данному вопросу. Менее близким по духу остальным участникам был один из основателей - сэр Джон Хокинс, который с тех пор написал множество рассказов, дающих неправильное представление о нашем обществе. Сэр Джон, эксцентричный товарищ, однажды отказался оплатить свою часть счета за ужин, потому что дома он не имел обыкновения ужинать. Позднее он оскорбил м-ра Бёрка в столь нетерпимой манере, что мы все сочли себя обязанными выразить ему неодобрение; после этого инцидента он больше не приходил на наши встречи. Однако он никогда открыто не ссорился с доктором, и был исполнителем его завещания; хотя мистер Босуэлл и другие имели причины подвергать сомнению искренность его преданности. Другими, более поздними, членами клуба были: г-н Дэвид Гаррик (16), актер и старый друг д-ра Джонсона, месье Томас и Джозеф Вартоны (17), д-р Адам Смит (18), д-р Перси, автор «Реликвий» (19), г-н Эдуард Гиббон, историк (20), д-р Бёрни, музыкант (21), г-н Мэлоун, критик, и г-н Босуэлл. Г-н Гаррик был допущен на собрания не сразу; так как доктор, несмотря на его великую дружбу с актером, всегда не одобрял сцену и все, связанное с ней. Джонсон, в самом деле, имел весьма своеобразную привычку вступаться за Дэви, когда остальные были против того, и спорить с ним, когда остальные были за того. Я не сомневаюсь, что он искренне любил г-на Гаррика, так как он никогда не ссылался на него, как он делал по отношению к Футу (22), который был очень неприятным парнем, несмотря на свой комический гений. Г-н Гиббон тоже особо никому не нравился из-за отталкивающей презрительной манеры держать себя, которая задевала даже тех из нас, кому пришлось по душе его исторические сочинения. Г-н Голдсмит, человек маленького роста, чрезвычайно тщеславный в том, что касалось его одежды и не обладавший умением поддерживать беседу, был моим личным фаворитом; так как я был так же неспособен блистать в рассуждениях. Он очень завидовал д-ру Джонсону, хотя тот любил и уважал его менее всех. Я вспоминаю, что однажды иностранец (кажется, немец) был в нашей компании; и в то время, пока Голдсмит вещал, он заметил, что доктор готовится что-то сказать. Неосознанно отнесшись к Голдсмицу как к незначительной помехе в сравнении с великим человеком, иностранец тут же перебил его, к тому же подкрепив грубую бестактность восклицанием: «Тише, доктор Шонсон собирается говорить».

В сей блестящей компании меня терпели больше из-за моего возраста, нежели из-за ума или знаний; я не был ровней остальным. Моя дружба со знаменитым месье Вольтером так же вызывала досаду со стороны доктора, который был глубоким ортодоксом и однажды сказал французскому философу: «*Vir est acerrimi Ingenii et paucarum Literarum*» (23).

Г-н Босуэлл, маленький насмешник, с которым я был знаком с давних пор, обычно устраивал потеху из моих неловких манер и старомодного парика и платья.

Однажды он пришел основательно набравшись вина (к которому он был привержен) и попытался написать на меня экспромтом пасквиль в стихах, которые нацарапал на поверхности стола. Но без посторонней помощи, к которой он обычно прибегал в своих сочинениях, допустил большой грамматический промах. Я сказал ему, что он не должен пытаться писать пасквили на источник его поэзии. Еще как-то Боззи (так мы обычно называли его) пожаловался на мою суровость к новым авторам в статьях, которые я готовил для «Ежемесячного обозрения». Он сказал, что я сталкиваю со склона Парнаса каждого претендента. «Сэр», - ответил я. - «Вы ошибаетесь. Те, кто падают вниз, делают это от собственного недостатка сил; но, желая скрыть свою слабость, они приписывают отсутствие успеха первому же критику, который их упомянет». Я рад вспомнить, что д-р Джонсон поддержал меня в этом вопросе.

Никто не прилагал больше усилий, чем д-р Джонсон, чтобы исправить плохие стихи других; в самом деле, говорят, что в книге бедной слепой старой миссис Уильямс вряд ли найдется пара строк, которые не принадлежали бы доктору. Однажды Джонсон процитировал мне вирши слуги герцога Лидского, которые так позабавили его, что он выучил их наизусть. Они были посвящены свадьбе герцога, и настолько напоминают по качеству работы других, более поздних, поэтических олухов, что я не могу удержаться от того, чтобы не привести их здесь:

«Когда герцог Лидса жениться решится
На леди изящной и юной. Тогда -
О, что за счастье для милой девицы
В милости Лидса быть навсегда».

Я спросил доктора, пытался ли он сделать что-нибудь с этим отрывком; и так как он сказал, что нет, я развлек себя следующей правкой:

Когда галантный Лидс возьмет себе жену
Из девственных прелестниц лучшую в роду,
Понятно скромной гордости той девы торжество
Такого мужа получить не каждой ведь дано!

Я показал результат д-ру Джонсону. Он сказал: «Сэр, вы размяли ноги, но не вложили в стихи ни смысла, ни поэзии».

Мне доставит удовольствие рассказать что-нибудь еще о моем общении с д-ром Джонсоном и его остроумным умом; но я стар и легко утомляюсь. Кажется, я, когда пытаюсь вспомнить прошлое, продвигаюсь вперед без особой логики или связности; и, боюсь, я пролил света на слишком мало эпизодов, неупомянутых еще другими. Если мои настоящие воспоминания будут встречены благожелательно, я, может быть, впоследствии запишу еще несколько анекдотов о старых временах, живым представителем которых остался я один. Я вспоминаю много вещей о Сэме Джонсоне и его клубе, членство в котором я сохранял еще долгое время после

смерти доктора, о которой я искренне скорблю. Я помню, как Джон Бургойн, эсквайр (24) - генерал, чьи драматические и поэтические работы были опубликованы после его смерти, был забаллотирован тремя голосами; быть может, по причине его несчастливого поражения в Американской войне в Саратогe. Бедный Джон! Его сын достиг большего успеха, я думаю, и стал баронетом. Но я очень устал. Я стар, очень стар. К тому же пришло время для моего послеполуденного сна.

Примечания:

(1) - Рассказ опубликован в сентябрьском выпуске United Amateur за 1917 год под псевдонимом Хэмфри Литтлвит, эсквайр. Эта история является примером лавкрафтовской имитации старинного стиля. Рассказчик – Литтлвит (фамилию которого можно перевести как Слабоумный) родился 20 августа 1690 года – за двести лет до дня рождения Лавкрафта – что делает его почти 228-летним в момент написания мемуаров. Критик Дэниел Хармс (Daniel Harms) пишет: «Хоть эта история и не представляет из себя ничего особенного, по крайней мере, она показывает, что ГФЛ осознавал свои претензии... казаться более старшим, развитым джентльменом 18 века, и мог посмеяться над самим собой». По материалам Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/A_Remimscence_of_Dr._Samuel_Johnson

(2) - Драйден Джон (1631 - 1700) - английский поэт, драматург, критик. Один из основоположников английского классицизма. В годы английской буржуазной революции воспел Кромвеля в оде на его смерть (1658), а в период Реставрации прославлял монархию.

(3) - Аддисон Джозеф (1672 - 1719) - английский писатель, поэт, просветитель.

(4) - Свифт Джонатан (1667 - 1745) - английский писатель. Автор «Путешествий Гулливера» (1726).

(5) – Поп Александр (1688 - 1744) - английский поэт.

(6) – Джонсон Сэмюэл (1709 - 1784) - английский критик, лексикограф, эссеист и поэт. Подробную информацию о герое рассказа Лавкрафта можно найти в конце настоящих примечаний.

(7) - Ювенал Децим Юний (ок.60 - ок.127) - римский поэт-сатирик.

(8) - Джеймс Босуэлл (1740 – 1795) - английский писатель, автор биографии С.Джонсона «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1792).

(9) - Составленный С.Джонсоном «Словарь английского языка» (1755) был ценным вкладом в лингвистику того времени.

(10) – Оссиан - легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданиям, в 3 в. в Ирландии и воспевавший подвиги своего отца Финна Мак-Кумхайла и его дружинников-фениев. Сказания о них в течение веков существовали в Шотландии и особенно в Ирландии в устной традиции. Честь «открытия» поэзии Оссиана приписал себе шотландский поэт Джемс Макферсон (1736-1796), издавший в 1765 г.

«Сочинения Оссиана, сына Фингала». Исследованиями учёных-кельтологов 19 и 20 вв. установлено, что «Сочинения», исключая несколько фрагментов гэльского фольклора, представляют собой литературную подделку.

(11) - На улице Граб-стрит в 17-18 веках жили неимущие литераторы. Вследствие этого английское слово Grub обзавелось значениями: 1.) писаки, халтурщики, литературные подёнщики; 2.) халтурный, низкопробный (о книге). Современное название улицы - Мильтон-Стрит.

(12) - Мильтон Джон (1608 - 1674), английский поэт, политический деятель, мыслитель.

(13) - Бёрк Эдмунд (1729 – 1797), английский политический деятель и публицист.

(14) - Рейнольдс Джошуа (1723 - 1792), английский исторический и портретный живописец.

(15) - Голдсмит Оливер (1728 – 1774) - английский писатель.

(16) - Гаррик Дэвид (1717 - 1779), английский актёр, драматург, театральный деятель.

(17) – Вартон Томас (1728 – 1790) — английский поэт и историк литературы. Вартон Джозеф (1722 - 1800) – его брат, поэт, филолог.

(18) - Смит Адам (1723 - 1790) - шотландский экономист и философ, видный представитель классической буржуазной политической экономии.

(19) – Перси Томас (1728 — 1811) - английский ученый, собиратель баллад, епископ.

(20) - Гиббон Эдуард (1737 - 1794), английский историк. Основное сочинение – «История упадка и разрушения Римской империи».

(21) – Бёрни Чарльз (1726 - 1814) - выдающийся музыкальный деятель.

(22) – Фут Сэмюэл (1720 – 1777) – английский драматург, актер и театральный деятель.

(23) – «Муж острейшего ума, но малой образованности» (лат.).

(24) – Бургойн Джон (1722 – 1792) – английский генерал, политик и драматург. Во время американской войны за независимость его армия в количестве 9 000 человек сдалась в плен.

Джонсон, Сэмюэл

(статья из Энциклопедии Брокгауза и Ефрона)

Литературный диктатор второй половины XVIII в. в Англии (1709—1784). От отца, небогатого книгопродавца в Личфильде, он унаследовал страсть к книгам, строго торийские убеждения и меланхолическое расположение духа, еще более

усилившееся от золотухи, страшно обезобразившей лицо его в детстве. Первоначальное образование Д. получил в школе родного городка, которая славилась своей железной дисциплиной; остряки говорили, что здесь не учили латыни, но всекали ее. Пробелы школьного образования юный Д. пополнял чтением книг из лавки отца. Это было чтение случайное, лишённое всякого выбора или системы, но оно сообщило уму мальчика массу самых разнообразных сведений, которыми он впоследствии удивлял своих собеседников. В 1728 г. отец отправил Д. в Оксфорд; но последний пробыл там всего 14 месяцев; бедность не позволила ему окончить курс. В 1731 г. умер старик Джонсон, оставив сыну в наследство всего двадцать фунтов. Но Джонсон не упал духом. Мысль, что на его долю выпала обязанность содержать своим трудом любимую мать, вдохнула в него гордость и энергию. Он принял первое попавшееся место — помощника учителя в городской школе — и занялся переводами. Побившись таким образом три года, Д. нашел выход из своего печального, в материальном отношении, положения в женитьбе на вдове, миссис Портер, особе старше его ровно на двадцать лет, но принесшей ему в приданое сумму в 800 фунтов. Брак этот был одним из самых счастливых; Д. очень любил свою дебелую, годившуюся ему в матери подружку. На деньги жены Д. открыл в Личфильде небольшой пансион с интернатом; в числе его учеников был знаменитый Гаррик, с которым Д. был дружен до самой его смерти. Но пансион не пошел, и Д., не желая проживать последние деньги жены, отправился весной 1737 г. в Лондон искать счастья. В Лондоне Д. работал на разные издательские фирмы, которые бессовестно эксплуатировали труд начинающих писателей. Работа, хотя и скудно оплачиваемая, не всегда находилась, и в ожидании ее нередко приходилось голодать. На одном из относящихся к этому периоду жизни Д. писем встречается оригинальная подпись: Джонсон не обедавший (Johnson impransus). В это время он свел дружбу с Ричардом Совэджем, Гоксвортом и другими представителями литературной богемы. В 1739 г. вся эта голодная компания получила работу в "Gentleman's Magazine", и Д. было поручено поставлять для журнала отчеты о парламентских заседаниях, которым он дал остроумное заглавие Дебатов в великой Лиллипутии (Debates in Magna Lilliputia). Смерть Р. Совэджа (1743) подала повод Д. написать биографию приятеля. Биография эта, написанная живо, занимательно и превосходным литературным языком, обратила на автора внимание публики и журналистов и в некоторой степени обеспечила его литературный заработок. Немало помог Д. и Гаррик, устроивший в 1749 г. постановку на сцену юношеской трагедии Д.: Магомет и Ирина. Хотя трагедия не имела большого успеха и дана была всего девять раз, тем не менее она доставила Д. 300 фунтов. В 1747 г. Д. обнародовал подробный план давно им задуманного Словаря английского языка. План этот до того заинтересовал своей грандиозностью одного книгопродавца, что он предложил Д. 1500 фунтов за его исполнение. Д. согласился и обещал окончить работу в три года. Но Словарь так разрастался под рукой составителя, что потребовалось целых восемь лет, чтобы привести его к концу. Когда вышли в свет первые два тома, критика и публика слились в единодушном выражении восторга и изумления, что такая гигантская работа могла быть исполнена одним человеком. В то время не существовало этимологии в научном смысле этого слова, и потому, задумав подвести полный итог лексическим сокровищам английского языка, Д. в большинстве случаев счел возможным ограничиться точным выяснением значения

каждого слова и историей его употребления различными писателями. Обе эти задачи, требовавшие строгой точности ума в определениях и громадной начитанности в памятниках старинной английской литературы, были исполнены Д. весьма удовлетворительно. Изданием Словаря (в 1755 г.) жизнь Д. резко разделяется на две половины: оканчивается период нужды и неизвестности и наступает период материальной обеспеченности и литературной славы. Д. становится знаменитостью, с которой ищут знакомства высокопоставленные люди; он делается средоточием литературного кружка, в который входят такие люди как Борк, Гольдсмит, Гаррик, знаменитый живописец Рейнольдс и др., а правительство назначает ему ежегодную пенсию в 300 фунтов. Если с Д. тем не менее случаются денежные кризисы, то только временные. Известно, что в один из таких кризисов, вызванных похоронами матери и необходимостью уплатить ее долги, Д. написал в несколько дней свой единственный, бедный интригой, но глубокомысленный нравоучительный роман Расселас (*Rasselas, the Prince of Abyssinia*, 1759). Вскоре после издания Словаря Д. задумывает классическое издание произведений Шекспира, которое вышло в свет в 1765 г. Первому тому этого издания Д. предпослал обширное введение, в котором он пытается определить сущность гения Шекспира и защитить Шекспира от нападок Вольтера. Многие в этом введении устарело и отвергнуто новейшей критикой; но здравый взгляд Д. на три единства, не оставшийся без влияния на Лессинга, до сих пор не утратил своего значения. Написав еще несколько политических трактатов со строго торийской окраской (*Political Tracts*, Лонд., 1776), Д. предпринял в следующем году свой обширный биографический труд: *Жизнеописания английских поэтов (Lives of the English Poets)* — самое популярное из его произведений, которое до сих пор продолжает выходить новыми изданиями. Целью автора было дать публике краткую биографию и характеристику каждого поэта, которая могла бы быть предпослана собранию его произведений. Насколько хороша у Д. сторона биографическая, настолько же возбуждает сомнения сторона критическая. Смотри на поэзию с реально-утилитарной точки зрения, он неодобрительно относился к произведениям, к которым нельзя было приложить этих требований. Будучи одарен сильным умом и тонко развитым нравственным чувством, он был почти совершенно лишен фантазии и поэтического чувства. Все идеальное казалось ему искусственным и фальшивым. Отсюда предпочтение, оказываемое им Конгриву, Драйдену и Попу перед Мильтоном и Шекспиром. Помимо этого, критический взгляд Д. сильно затемнялся унаследованными им литературными традициями и политическими предрассудками, которые он невольно вносил в свою критику. Последние двадцать лет жизни Д. сделались известны чуть не по дням, благодаря биографии его, написанной Босвеллом. Прибыв в Лондон в 1762 г. и принеся с собой удивление ко всему замечательному в области литературы, юный шотландец употребил все усилия, чтоб познакомиться с человеком, стоявшим во главе английской литературы, и когда это ему удалось, он сделался неразлучным спутником Д. Глазами влюбленного он всюду следил за своим кумиром и жадно прислушивался ко всякому слову, излетавшему из его уст. С течением времени он приобрел искусство наводить разговор на различные интересные темы, и, пришедши домой, заносил все им слышанное от Д. на бумагу. Поступая таким образом в течение целых двадцати лет, он написал книгу, несравненную по своим биографическим достоинствам (*Boswell, "Life of Samuel Johnson"*; посл. изд., Л., 1887).

Перед умственным взором читателя восстает, как живая, массивная и неуклюжая фигура английского литературного диктатора, с его оригинальными манерами, неистоцимым юмором и колоссальным здравым смыслом. Только прочтя книгу Босвелля, можно понять то исключительное положение, которое занимал Д. среди современных английских литераторов, благоговейно прислушивавшихся к его суждениям. Можно сказать даже, что, обессмертив Д. как человека и собеседника, Босвелль оказал ему плохую услугу как писателю, ибо Д., как человек и собеседник, оказывается в изображении Босвелля гораздо интереснее Д.-писателя. Весьма обстоятельное извлечение из книги Босвелля сделано Дружининым и помещено в 4-м томе его сочинений. Лучшее издание сочинений Д. принадлежит Морфи (Л., 1824). Маколей и Карлейль в своих "Essays" дали нам прекрасные характеристики личности Д.

Перевод - Watcher (2008)